

Юлия Элисон

Ледяшки
для
Тышки

Юлия Эллисон

Ледышки для пышки

<https://litres.ru/74211229>

Аннотация

Её оружие — шопинг, капризы и идеально подобранные наряды. Её наказание — работа в пыльной канцелярии отца. Лира фон Дарнель, избалованная герцогская дочь, потратила сто тысяч крон на платья и была сослана в «реальный мир» — в тесную комнатуху с двумя молодыми драконами. Алерт из клана Равновесия видит ложь, Бриан из клана Разума читает мысли, и оба считают её пустым местом.

Но когда капризная роза случайно подслушивает их разговор о дворцовой контрабанде и таинственном «господине в сером», игра меняется. Лира решает, что из неё выйдет отличный тайный агент — кто заподозрит сплетницу в новом платье? Пока драконы спорят, кто из них выиграл пари и кому достанется «трофей», ураган по имени Лира готов снести их ледяные сердца, раскрыть заговор и... возможно, выбрать одного. Или обоих.

Смогут ли драконы выжить в водовороте бальных платьев, налоговых отчётов и настоящей магии? И кто кого приручит первым?

Содержание

Глава первая. В которой отец проявляет неслыханную жестокость	4
Глава вторая. В которой капризная роза оказывается среди драконов	11
Глава третья. В которой роза получает стол и понимает, что попала	18
Глава четвертая. В которой роза подслушивает драконьи секреты	24
Глава пятая. В которой роза пытается разговорить айсберги	30
Глава шестая. В которой роза устраивает внезапную осаду	35
Глава седьмая. В которой дракон попадает в плен	44
Глава восьмая. В которой роза делает вид, что вчерашнего чаепития не было	54
Глава девятая. В которой ураган терпит крушение утром же	63
Глава десятая. В которой драконы проявляют подозрительную заботу	70
Глава одиннадцатая. В которой роза начинает собственное расследование	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Глава первая. В которой отец проявляет неслыханную жестокость

Я стояла перед зеркалом и в который раз оценивала свою внешность, придирчиво рассматривая новое платье. Бледно-голубой шелк облегал мои пышные формы с почтительным изяществом, а серебряная вышивка на лифе мерцала при каждом движении, словно утренняя роса на паутинке. Платье было безупречно — оно не пыталось меня переделать, не стремилось втиснуть в несвойственные мне рамки стройности, а просто... подчеркивало. Плечи, талию (которая, к моему удовольствию, все же решила обозначить свое присутствие), мягкий изгиб бедер.

Я покрутилась, наблюдая, как ткань шелестит и переливается.

— Нет, эта муфточка определенно никуда не годится! — отвергла еще вчера купленную меховую муфту, капризно скривив губки и носик.

И неважно, что я отвалила за нее целое состояние и едва не подралась с леди Газолой из-за последнего экземпляра норки с перламутровым застежкой. Сегодня она мне разочаровалась и точка! Слишком уж она напоминала ошкетинившегося енота.

— Но леди, вы чудесно выглядите, — служанка Элси, тут же подобрала откинутую мной деталь гардероба и отряхнула ее от несуществующей пыли. Ее руки двигались с привычной быстротой. — И вам очень идет этот оттенок! Прямо как небо в ясный день.

— Я и без тебя знаю, что идет, — отмахнулась, рассматривая в зеркале свои шикарные светло-русые волосы, отдающие в легкую рыжину — наследство давно почившей бабушки-фаренгййки. — Мне вообще все идет! Но это не значит, что я должна носить не сочетающиеся вещи! — заявила, снова крутясь перед зеркалом, накинув на плечи меховой плащик из белого песка.

В нем я смотрелась мило и невинно. Как нежная розочка. Колючая, но очень красивая.

Я, Лира фон Дарнелъ, дочь герцога Аларика фон Дарнелъ, и привыкла к тому, что мир крутится вокруг меня с той же неумолимой гравитацией, с какой планеты крутятся вокруг солнца. Папочка очень сильно меня любит и балует, и я не вижу причин, чтобы не пользоваться этим. Вот и вчера я в третий раз за эту зиму обновила свой гардероб полностью, решив, что новые модели будут смотреться на моей пышной фигуре всяко лучше, чем прошлые, в которых меня уже видели.

На полу моей будуарной комнаты царил хаос из дорогих тканей: бархат цвета спелой сливы, парча с золотыми нитями, воздушный газ. Элси и еще две девушки-служанки носи-

лись, как белки в колесе, то подавая мне очередное творение портного, то подбирая отвергнутые. Я примеряла, отбрасывала, приказывала, капризничала.

Неожиданно где-то внизу, в глубине особняка, раздался знакомый гул, скрип дубовых дверей и оживленные голоса. Знакомый баритон отдавал распоряжения слугам. Сердце радостно встрепенулось, забыв на мгновение про всю шелковую мишуру вокруг.

Папочка наконец вернулся из своей жуткой командировки!

Я тут же бросила все тряпки, не обращая внимания на испуганный вздох Элси, и побежала вниз по лестницам, ощущая, как радость накрывает с головой. Ступеньки скрипели под быстрыми шагами.

— Папочка! — не сбавляя хода, кинулась на шею родителю, едва он успел снять с себя дорожный плащ, от которого пахло зимним ветром и лошадьми.

Он нечасто уезжал, но работа советником при императоре все же иногда требовала поездок. Не тех приятных вояжей в летние резиденции, а настоящих, изматывающих командировок — улаживать споры буйных приграничных баронов, выслушивать жалобы купцов на разбойников, инспектировать армейские гарнизоны, где пахло потом, сталью и недовольством. Это был не мой ухоженный, пахнущий книгами и дорогим табаком папа, а Герцог Дарнель, Человек Императора, с холодными глазами и стальной волей. Но сейчас он

был дома.

И сейчас он выглядел усталым. На его благородном, с гордым орлиным носом и седыми висками лице, застыла привычная улыбка, но в уголках глаз собралась сеточка новых морщин.

— Лира! — родитель обнял меня крепко, по-настоящему, и на миг я почувствовала себя снова маленькой девочкой, которой все дозволено. Но затем он все же отстранил, держа за плечи, и нахмурился. Морщины на лбу стали глубже. — Мне пришел счет, Лира. Ты потратила сто тысяч крон на платье?!

Я потупилась, тут же понимая, что запахло жареным. Причем не тем аппетитным, что готовят на кухне, а тем, что сулит большие неприятности.

— Я так по тебе скучала! — выдала вместо объяснений, делая глаза больше и влажнее. — Мне было так плохо и скучно без тебя... Грусть просто пожирала меня изнутри, и только новые ткани немного скрашивали тоску!

Но папа не смягчился, хотя всегда после командировок, измотанный и соскучившийся, он обычно долгое время еще позволял мне все, что я захочу, лишь бы слышать мой смех в этих стенах.

— Это не ответ, Лира!

Я скривилась. Мда. Похоже, в этот раз я все же влипла по полной. Но сдаваться рано. Я включила тяжелую артиллерию.

— Ну пап! Мы ведь не разорились, подумаешь, какие-то сто тысяч... — протянула, шаркая носком атласной туфельки по паркету и изображая святую невинность взглядом.

Моя нижняя губа мастерски задрожала, словно я готова разреветься тут же, на месте. Но, заметив, что папа продолжает хмуриться, его брови все так же грозно сведены, я решила идти до конца. Одна, единственная, идеальная слезинка, вымученная годами тренировок, медленно скатилась по моей щеке.

Отец вздохнул. Звук был долгим, усталым и... разочарованным. Его взгляд смягчился, но не стал тем теплым, прощающим сиянием, которое я ожидала. В нем появилась какая-то новая, твердая решимость.

— Лира, что ж с тобой делать-то... — посетовал он, но все же утешать меня не стал, не пригладил волосы и не пообещал новую шкатулку с драгоценностями, как это обычно бывало. — Думаю, я тебя избаловал, — сделал он неожиданный вывод, от которого у меня перехватило дыхание.

Я даже глазами захлопала, не совсем понимая, что он имеет в виду. Избаловал?

Но затем он все же пояснил, и его слова прозвучали как приговор.

— Ты абсолютно не знаешь цены деньгам. И хоть высшее образование в Академии магии ты получила блестяще, но тебе уже двадцать два, Лира. Пора думать о браке и внуках, а не о платьях и прочей ерунде.

Я ошеломленно моргнула. Ничего себе выводы! От «сто тысяч крон» до «пора замуж» — какой головокружительный логический прыжок!

— Но я не хочу замуж! — тут же открестилась, отступая на шаг. — Я против! Вообще-вот-совсем-абсолютно!

Замуж я и правда не хотела. Отчасти потому, что наслаждалась своей свободой, отчасти — потому, что все ждала большой и чистой любви, как в книжках пишут, той, что сносит башни и повергает королей. А не брачного контракта, состряпанного родителем с каким-нибудь равноценным по статусу, но скучным как осенний дождь, герцогом.

— Что ж. Тогда остается только один выход, Лира! — в голосе отца появились те самые повелительные нотки, холодные и не допускающие возражений. Он редко когда говорил со мной подобным тоном, но если уж говорил, то это значило, что решение обсуждению не подлежит. Мне из-за этого же тона пришлось шесть лет отучиться в престижнейшей Академии магии.

«Магия — это основа управления, дочь», — сказал тогда папа. И все.

Я напряглась, всем существом понимая, что сейчас меня ждет что-то совсем, катастрофически неприятное.

— С завтрашнего дня ты выходишь на работу, Лира. Возражения не принимаются. У меня как раз освободилась должность младшего помощника в канцелярии. Будешь сама зарабатывать, познакомишься с реальным миром и начнешь

больше ценить деньги, а не тратить их на всякие глупости.

Тишина повисла в холле, густая и звонкая. Даже слуги замерли. Теперь слезы подступили уже самые что ни на есть настоящие, горькие и обидные. Работа? Канцелярия? Это же смерть! Это чернильные пятна, пыльные свитки и скучные старики в мантиях!

— Но папочка! — дрожащим, надтреснутым голосом произнесла, заламывая руки в театральном, но искреннем отчаянии жесте.

— Все, я сказал! — отрезал отец.

Он развернулся и поспешил удалиться к себе в кабинет, оставив меня одну среди мраморных колонн и собственного шока.

Я злобно топнула ногой, и эхо разнеслось по холлу. Ну, папа! Дождался! Хочешь, чтобы твоя розочка познакомилась с реальным миром? Что ж, познакомится. Устрою я тебе и твоей драгоценной канцелярии такое веселье, что вы все еще будете вспоминать мое появление, как нашествие саранчи! Или... или я за неделю стану лучшим помощником в истории Империи, и ты будешь умолять меня остаться! В общем, увидим.

Я гордо вскинула подбородок, смахнула предательскую слезу и пошла наверх, уже строя планы мести. Первым делом нужно выбрать гардероб для первого рабочего дня.

Глава вторая. В которой капризная роза оказывается среди драконов

Утро. То самое, когда цивилизованные люди сладко посапывают в теплых перинах, а сны еще не успели смениться кошмарами будней. А я стояла у конюшни, страдая от холода и собственной глупости.

Серое, низкое небо сыпало на голову колючую изморось, ветер норовил залезть под плащ и ущипнуть за самые уязвимые места. Я стояла рядом с отцовской каретой, невыспавшаяся и злая, и отчаянно пыталась сохранить остатки величия.

На подбор наряд для «службы» ушло пол-ночи и вся нервная система бедной Элси. Нужно было выглядеть так, чтобы мой вид безмолвно кричал: «Да, я здесь по принуждению, но посмотрите, как элегантно я несу свой крест!». В итоге осталась на платье из мягчайшей шерсти сибирских барсов цвета зимнего неба – благородно, сдержанно, и тепло (в теории). Поверх – элегантный, но неброский плащ и муфта (не та, что похожа на енота, а другая, из соболят, куда более аристократичная).

Всю ночь я убеждала себя, что работа в императорской канцелярии – это не наказание, а головокружительная карьерная возможность. Мечта любого амбициозного выпуск-

ника Академии! Центр всех финансовых и политических интриг империи!

Канцелярские крысы – самые информированные существа после шпионов и попугаев в будуарах фрейлин. Я просто обязана блеснуть! Обязана доказать отцу... В общем, доказать.

Именно поэтому, движимая приступом идиотского рвения, я вышла заранее, чтобы продемонстрировать свою ответственность. И теперь ждала, пока упрямые конюхи впрягут лошадей, чувствуя, как благородная решимость вымораживается из меня вместе с последними остатками тепла.

— Лира?

Я вздрогнула. Отец вышел на крыльцо, закутанный в теплый плащ, и смотрел на меня с неподдельным удивлением.

— Что ты тут делаешь?

Я гордо (насколько это возможно с посиневшим от холода носом) тряхнула головой, отчего с капюшона посыпался иней. Пальцы в тонких перчатках онемели, и я сжала их в кулаки, пытаясь вернуть чувствительность.

— Ты сказал, что я должна работать – я готова, — выдавила сквозь стиснутые зубы, которые так и норовили выдать мелкую дрожь. — Или ты передумал? — бросила ему последний спасательный круг, взгляд полный немой мольбы.

Я, в конце концов, осознавала, что переборщила с травами. Но мне же было одиноко! Мама, как всегда, сбежала на свои бесконечные курсы дизайна в солнечную Фарейну,

оставив дом пустым и безрадостным. А папа вечно в разъездах. Шоппинг был единственным светом в оконце...

Но спасательный круг благополучно проплыл мимо. В глазах отца не дрогнуло ни одной искры снисхождения.

— Нет. Просто думал, что ты будешь ждать внутри дома.

Мда. Гениально, Лира. Просто гениальный стратегический ход. Зачем сидеть у камина, когда можно превратиться в ледяную сосульку с амбициями?

— День сегодня чудесный, — бодро сообщила я, шмыгнув носом, который уже отказывался слушаться. — Хотелось подышать свежим воздухом.

Карета наконец подкатила, и я ввалилась внутрь с грацией обмороженного моржа, но с сохраненным достоинством. О, благословенное тепло! Здесь, среди бархата и тисненой кожи, работали артефакты-обогреватели, щедро излучающие уют. Я уткнулась в муфту, потирая пальцы, которые начинали оттаивать с мучительным, но приятным покалыванием.

— Сегодня слишком холодно, — констатировал папа, заботливо подкинув мне плед из шерсти. Я с благодарностью укутала ноги.

Шерсть барсов хороша, но против стужи, видимо, бессильна. Хорошо быть чистокровным крылатым драконом, говорят, они даже спать на снегу могут и совсем не мерзнут. Жаль, в моем генеалогическом древе не было этих величественных существ.

Дорога заняла не больше получаса. Я выпорхнула из ка-

реты вслед за отцом, снова напустив на себя величественность, и поправила платье. Императорский дворец. Знакомые до боли мраморные полы, позолота, гобелены. Но сегодня я смотрела на это не как гостя, а как... работник. Странное, щекочущее нервы ощущение. Я вобрала его в себя, не позволив и тени неуверенности отразиться на лице. Я все же Лира фон Дарнелъ! У меня есть диплом (пусть и полученный больше для галочки), и я справлюсь.

Я покажу всем, особенно папе, на что способна!

— Я провожу тебя до кабинета, но вводить в курс дела будут уже на месте, — сказал отец, ведя меня по знакомым, но сегодня каким-то чужим коридорам.

Я кивнула, глотая комок легкого (совсем легкого!) волнения. Вспоминались лекции в Академии по документообороту и основам канцелярской магии. Я слушала их вполуха, считая, что это никогда не коснется блестящей жизни герцогской дочери. Эх, знать бы...

Мы поднялись на третий этаж, в менее парадную, но все еще респектабельную часть дворца. Слуги и чиновники почтительно кланялись отцу и бросали на меня любопытные, оценивающие взгляды. Я парировала их ледяным, безразличным взором, от которого, надеюсь, замерзали на лету сплетни.

— Вот и твое место работы, — отец вдруг едва уловимо ухмыльнулся, словно вспомнил приватную шутку, и распахнул дверь.

Я вошла следом – и обомлела.

Кабинет. Это было слишком громко сказано. «Каморка». «Клетушка». «Отверстие в стене, щедро названное кабинетом».

Она была меньше моего гардероба! И пахла не духами и воском, а старым пергаментом, чернилами и... мужским одеколоном.

Но это было еще полбеды. Хуже было то, что я здесь была не одна. При нашем входе со стульев взметнулись, как пружины, две фигуры.

Двое мужчин. Молодых. Очень. И до неприличия красивых.

Один – яркий, как осенний пожар, рыжий, с глазами цвета жидкого золота. Второй – блондин с волосами оттенка льда и пронзительными фиолетовыми глазами, как у горных фиалок. И оба... Оба...

Магическая аура вилась вокруг них плотным, горячим марево, от которого дрожал воздух. Чистокровные драконы. Сомнений не было.

— Алерт, Бриан, — кивнул отец, отходя в сторону и выставляя меня, словно на аукционе. — Я привел вам свою дочь. С сегодняшнего дня она станет младшим помощником здесь. Прошу ввести ее в курс наших дел, — он сделал паузу, и его голос обрёл стальную твердость, — и не потакать глупым женским капризам.

Последняя фраза повисла в воздухе тяжелым, несправед-

ливым приговором. Двое драконов синхронно скрестили на мне взгляды. В золотых и фиолетовых глазах не было ни капли почтительности, лишь холодная, хищная оценка, легкое недоумение и... предчувствие большой головной боли. Напряжение в крошечной комнатке сгустилось мгновенно, став осязаемым, как запах серы перед извержением.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с уличным морозом. Так вот он, «реальный мир». Тесный, пахнувший драконами и полный мужчин, смотрящих на меня как на наказание, свалившееся с неба.

Что ж. Раз так...

Я выпрямила спину, мягко уронила муфту на ближайший свободный стул (надеюсь, не чей-то) и одарила обоих своей самой ослепительной, беззаботной улыбкой, которую обычно приберегала для особо надменных соперниц на балах.

— Лира фон Дарнель, — сказала я, и мой голос прозвучал сладко и звонко, как колокольчик. — Очень рада познакомиться с моими новыми... сослуживцами. Готова приступить.

Рыжий (Алерт, кажется?) приподнял одну огненную бровь. Блондин (Бриан) едва заметно сузил свои фиалковые глаза.

Миссия «не ударить в грязь лицом» начиналась. И судя по взглядам двух драконов, грязи вокруг предстояло быть предостаточно. Но я же не зря шесть лет отучилась в Акаде-

мии. Хотя и через силу.

Пора показать, на что я способна.

Глава третья. В которой роза получает стол и понимает, что попала

Мужчины, что стояли передо мной с неприветливыми лицами, явно не испытывали по моему поводу ничего, кроме легкой досады и предчувствия хаоса. Однако даже их драконья надменность не позволила им промолчать при отце.

— Герцог, вы уверены, что это... оптимальное решение?
— осторожно начал блондин, Бриан.

Его фиолетовый взгляд скользнул по мне, словно оценивая не только мою внешность, но и потенциальный уровень разрушений, который я могу принести в их упорядоченный мир.

— Дочь ваша, конечно, талантлива, — это произнес рыжий, Алерт, и в его золотых глазах мелькнула искорка чего-то, что я с натяжкой могла бы принять за иронию. — Но наша работа требует... сосредоточенности. И тишины.

Отец лишь поднял руку, беззвучно пресекая возражения. В его жесте была непоколебимость.

— Думаю, я могу оставить вас, — сказал он спокойно вместо того, чтобы спорить. Потом повернулся ко мне, и в его взгляде на мгновение проступила знакомая тревога. — Лира, прошу тебя, обойдись без твоих выкрутасов.

Он вышел. Дверь закрылась с мягким щелчком. Я осталась наедине с двумя живыми, дышащими источниками магического давления и предвзятого отношения.

Я фыркнула, демонстративно подняв подбородок. Пусть думают, что хотят. Я здесь, чтобы работать. И победить.

— Итак, где мое рабочее место? — уточнила я, держа осанку так, будто спрашиваю о троне в бальном зале.

Рыжий дракон, Алерт, сделал шаг вперед. Его движение было плавным и беззвучным, как скольжение тени.

— Позвольте представиться официально, — его голос был низким, бархатистым, но в нем чувствовалась стальная нить. — Алерт фон Риэль. Клан драконов равновесия.

Мои глаза непроизвольно распахнулись. Клан Равновесия.

Учебники по магической генеалогии всколыхнулись в памяти. Самый закрытый, самый загадочный клан. Говорили, они не просто чувствуют ложь — они видят саму ее нить в ткани реальности. Их называют «живыми весами правды». Обычно они вершат судьбы на самых высоких судах или ведут дипломатические игры невероятной сложности.

И что такой делает здесь, в крошечной канцелярии моего отца, перебирая бумажки?!

Я сглотнула.

Теперь придется следить не только за словами. За каждой эмоцией, за каждым мимолетным намерением, даже за самыми потаенными мыслями. Этот дракон, возможно, уви-

дит малейшую трещинку в моей уверенности. Ужас, какая пытка!

— Бриан фон Кирэль, — произнес блондин, и его голос прозвучал прохладнее зимнего ветра. — Клан драконов разума.

Меня будто окатили ледяной водой. Еще один!

Клан Разума. Те, кто могут слышать шепот мыслей, разбирать ментальный хаос на упорядоченные потоки. Великие стратеги, шифровальщики и... самые эффективные следователи. О, боги! Надеюсь, мои ментальные блоки, которые мы так неохотно ставили на уроках психической защиты, еще держатся. Хотя, глядя на его пронизывающий фиалковый взгляд, в этом была серьезная доля сомнения.

Я снова сглотнула. На кого смотреть опаснее? На того, кто видит правду в душе, или на того, кто слышит мысли в голове?

— Ваше место, — Алерт, не меняя выражения лица, указал куда-то вглубь комнаты.

Я облегченно перевела взгляд, ожидая увидеть хоть что-то, напоминающее достойное рабочее пространство. И обомлела.

Стол. Если это можно было так назвать. Это был не стол, а насмешка над понятием «личное пространство». Деревянная, потертая до бледности столешница, на которой, кажется, еще сохранились следы от чернильных пятен времен основания империи. На нем лежала стопка пожелтевшей бума-

ги, перо, которое, судя по всему, пережило несколько войн, и пузырек с чернилами, покрытый тонким слоем пыли. Просто голое, убогое дерево, втиснутое в самый темный угол, под полкой, грозившей обрушиться в любой момент.

Мои губы дрогнули от возмущения. Так вот до чего я выросла в глазах отца? До этого... пенька в углу? До соседства с двумя титанами мысли, закинутыми, видимо, сюда же в качестве наказания?

Что они тут вообще делают?! Разве у драконов закрытых кланов нет важных дел вроде управления мирозданием или чем там они занимаются?

Но я сжала зубы. Нет. Они не увидят моей слабости.

Решительно (насколько это возможно) тряхнула головой и прошла к своему месту. Осторожно толкнула стул – скрипнул, но не развалился. Села и провела пальцами по столешнице, почувствовав шершавость старого дерева и холод, который, казалось, впитался в него навсегда.

— Отлично, — сказала я, и мой голос прозвучал удивительно бодро, учитывая обстоятельства. — Так что я должна делать? — Я обвела взглядом обоих драконов, которые наблюдали за мной, словно ученые за новым, не до конца изученным видом насекомого. И тут до меня дошло.

Женщина я или нет?

Я мягко уронила ресницы, а потом вскинула взгляд, сверкнув им так, чтобы заиграли все оттенки моих глаз, и слегка наклонила голову, изображая почтительное любопыт-

СТВО.

— Может... покажете? — кокетливо произнесла я, давая голосу чуть дрогнуть, как лепестку розы на ветру.

Уж с двумя мужчинами, даже если они драконы, я как-нибудь слажу. В конце концов, логика – это хорошо, но есть вещи посильнее. Нужно просто найти правильный подход.

Алерт фон Риэль, дракон равновесия, прищурил свои золотые глаза. В них мелькнуло нечто похожее на... веселье? Или предостережение?

— Разумеется, — сказал он сухо. — Начнем с азов. Это, — он ткнул пальцем в стопку бумаг на моем столе, — это жалобы от приграничных баронов на разбойников. Ваша задача – прочитать, выделить суть, исключить эмоциональные... излишества, и составить краткую сводку по каждой.

Бриан фон Кирэль, дракон разума, молча подошел и поставил передо мной еще одну, не менее внушительную папку.

— А это, — произнес он без эмоций, — отчеты по сбору налогов с южных провинций за последний квартал. Нужно сверить цифры, найти арифметические нестыковки и отметить их красным. — Он положил рядом с папкой тонкую, остро заточенную красную палочку – магический маркер.

Я посмотрела на гору бумаг, потом на двух драконов, стоящих надо мной как суровые менторы. Кокетливая улыбка медленно сползла с моего лица. Так, подход «очаровательной глупышки», судя по всему, здесь не прокатил. Они были

иммунны. Что ж.

Я выпрямилась, взяла в руки перо и кивнула с видом полной деловой собранности.

— Жалобы баронов и налоговые отчеты. Поняла. Приступаю.

Внутри же бушевал ураган.

Ну, папочка, ты добился своего. Твоя розочка будет ковыряться в жалобах скупердяев-баронов и считать чужие деньги. Но я тебе еще покажу. Я все это сделаю. И сделаю так блестяще, что эти драконы-надзиратели сами будут просить у меня совета!

И с этой мыслью, полной праведного гнева и амбиций, я уткнулась в первую же жалобу, написанную таким витиеватым почерком, что я трижды перечитала первое предложение, так и не поняв, о чем там, черт побери, речь. Приключение началось.

Глава четвертая. В которой роза подслушивает драконьи секреты

Следующие три часа я усердно делала вид, что являюсь воплощением деловой сосредоточенности. Я вгрызалась в жалобы приграничных баронов, выводя на полях своим изящным почерком краткие, но ёмкие резюме.

«Барон Икс жалуется на разбойников: потеряно 5 повозок с зерном, 3 стражника ранены. Требуется компенсации из казны и казни кого угодно, лишь бы не своих людей».

«Барон Игрек: нападение на караван с шелками. Подозревает в сговоре соседнего барона (Икс)».

Это было скучно, пахло пергаментом и чужой алчностью, но я делала это на редкость качественно, по крайней мере, мне так казалось. Я даже не смотрела в сторону драконов, лишь изредка краем глаза отмечая, как на их столах лежали не кипы ветхих свитков, а тонкие, аккуратные папки с золочеными застёжками и печатями куда более высокого уровня, чем мои.

— Документы из личного архива канцлера подтверждают первую цепочку, — произнес вдруг Алерт, его голос был ровным, но в нем прозвучала тень удовлетворения. Он перелистывал страницы какой-то пухлой амбарной книги. — Переводы на счет в Вальтийском банке. Регулярные. Начи-

наются за полгода до голосования по соляному налогу.

Я притаила дыхание, стараясь не выдать ни единым движением, что слушаю.

Канцлер? Соляной налог?

Это уже звучало куда интереснее, чем жалобы на украденных овец!

— Суммы совпадают с увеличением личных расходов графа Вильгельма, — отозвался Бриан, не отрываясь от какого-то сложного, испещренного цифрами отчета. Его фиолетовые глаза пробежали по колонкам с неестественной скоростью. — Особенно на строительство той летней виллы на озере. Подрядчик был нанят через три посреднические конторы, но конечный бенефициар... — он сделал паузу, и в воздухе повисло многозначительное молчание.

— Тот же, — закончил за него Алерт. Он поставил на стол небольшую, изящную печать из темного камня. — Следующее звено: письма. Их нужно сопоставить с маршрутами курьеров из его канцелярии.

— Уже делаю, — Бриан отложил отчет и взял другую папку, из которой достал несколько листков, исписанных разными почерками. — Стилистический анализ показывает, что хотя текст написан под диктовку разными писцами, обороты, знаки препинания... здесь прослеживается одна рука.

Мое перо замерло над очередной жалобой барона на «ужасных, как сама ночь, разбойников, которые унесли его любимого жеребца».

Сердце забилося быстрее. Они расследовали взятку! И не какую-нибудь, а на уровне канцлера и какого-то графа!

Это была настоящая дворцовая интрига, паутина из денег, влияния и предательства. А я сидела тут и выискивала суть в воплях о пропавшем жеребце!

— А как же свидетельства из таможни? — спросил Алерт, откинувшись на спинку стула и сложив пальцы домиком. Его золотые глаза были прищурены, в них играл холодный свет аналитической мысли. — Если наш «друг» действительно ввозил те запрещенные артефакты, о которых ходят слухи, то след должен быть. Даже если груз шел под видом мрамора для той самой виллы.

— Таможенные декларации я запросил под грифом «Императорская аудиторская проверка», — ответил Бриан, и на его губах, кажется, мелькнуло что-то вроде легкой, безжальной улыбки. — Они должны поступить завтра. Если все сойдется...

— ...у нас будет не просто коррупция, — закончил Алерт, и его голос стал тише, но от этого лишь весомее. — У нас будет государственная измена. Неуплата пошлин на магические артефакты первой категории — это уже статья совершенно иного порядка.

В комнате снова воцарилась тишина, но теперь она была заряжена иным напряжением — не неловкостью моего присутствия, а предвкушением охоты. Они были на волосок от разоблачения чего-то огромного. И сидели в этой тесной

комнатушке, тихо, методично собирая пазл из разрозненных бумажек.

Я вдруг посмотрела на свою стопку жалоб с новым чувством. Это ведь тоже часть чего-то большего, да? Жалобы баронов на разбойников – они могли быть созданы, чтобы отвлечь внимание или ослабить того самого графа на границе? Или, наоборот, бароны были пешками в чьей-то игре?

Моя скучная, рутинная работа внезапно обрела новый, глубокий смысл. Каждая строчка, каждая жалоба могли быть крошечной ниточкой в том самом большом клубке, который распутывали драконы.

Я отложила перо и потянулась, изображая усталость, но на самом деле чтобы переварить услышанное.

— Значит, тут у вас не только счета сверяют, — не удержалась я, стараясь, чтобы голос звучал просто как нейтральное наблюдение.

Оба взгляда – золотой и фиолетовый – мгновенно нацелились на меня. В них не было гнева, но была абсолютная, ледяная настороженность.

Они забыли, что я здесь.

И теперь оценивали ущерб.

— Вы что-то конкретное имеете в виду, Лира? — спросил Алерт, и каждый слог был отточен, как лезвие.

Я пожала плечами, делая вид, что просто болтаю о погоде.

— О, просто показалось, что разговор у вас куда увлекательнее, чем мои бароны с их вечными слезами по украден-

ному добру. — Я взяла следующую жалобу и вздохнула, театрально. — Хотя, кто знает, может, и этот жеребец был частью какого-нибудь грандиозного заговора.

Бриан пристально посмотрел на меня, и мне почудилось легкое давление в висках — будто кто-то осторожно постучал в дверь моих мыслей. Я мысленно воздвигла перед ней самую толстую стену какую смогла вообразить.

— Ваша задача — обрабатывать входящие жалобы, Лира, — холодно произнес Алерт, возвращаясь к своим документам. — А не строить конспирологические теории на основе обрывков разговоров.

Я скривила губы, но кивнула. Конечно. «Сиди в своем углу и не высывайся».

Но внутри у меня уже что-то щелкнуло. Интрига. Настоящая, взрослая, опасная интрига прямо здесь, в двух шагах от моего убогого столика. И эти двое драконов были в самой ее сердцевине.

Внезапно моя миссия «не ударить в грязь лицом» обрела новую, захватывающую цель. Я не просто должна была доказать отцу, что могу работать. Я должна была доказать «им», что я не просто случайный довесок. Что я могу видеть дальше кончика своего носа.

С новым энтузиазмом, который даже меня саму удивил, я взяла перо и принялась за следующее письмо. На этот раз я читала его не просто как поток жалоб. Ища между строк не только эмоции, но и возможные связи, нестыковки, странные

детали.

Это была уже не работа. Это начинало походить на игру. А я, Лира фон Дарнель, обожала игры. Особенно когда ставки были высоки.

Глава пятая. В которой роза пытается разговорить айсберги

До обеда я монотонно выписывала заметки, чувствуя, как медленно, но верно каменею от скуки. Я каждые пять минут смотрела на свои новые часики — изящные, с бриллиантовыми метками. Их тиканье сегодня звучало как насмешка, отмеряя время, которое текло, словно густой кисель.

Внутри я уже мысленно посылала проклятия всем баронам империи и их бесконечным жалобам.

Но, наконец, стрелка встала на положенное место. Обед! Я с чувством освобождения отбросила перо, с звонким стуком закрыла чернильницу и встала, сладко и демонстративно потягиваясь.

Оба дракона подняли на меня глаза. Взгляды обоих были пустыми, как у статуй. Решила действовать в лоб.

— Ну что, коллеги? — улыбнулась мужчинам. — Где тут у вас вкусно кормят? Наверняка поблизости от дворца есть множество великолепных ресторанов. К тому же нам определенно надо познакомиться поближе, ведь нам еще работать вместе...

Алерт, рыжий, медленно отложил перо. Он не встал. Просто поднял на меня золотистые глаза. В них не было ни интереса, ни раздражения, скорее задумчивость. Мысленно он

явно был еще в документах, которые он только что проверял.

— Для служащих есть столовая на первом этаже западного крыла. Уровень соответствует статусу служащих.

Это было сказано так, будто он зачитывал справочник. Я мысленно фыркнула его сухому ответу.

— О, звучит многообещающе! — не сдавалась я, делая глаза ещё больше и наивнее. — Так вы составите мне компанию? Или, — кокетливо наклонила голову, — боитесь, что моё общество отобьёт аппетит?

Бриан, блондин, даже не оторвался от документа, который изучал с помощью увеличительной линзы.

Я сделала паузу, ожидая, что хоть один из них улыбнётся моей шутке или проявит хоть каплю человеческой теплоты. Тишина. Только скрип пера Бриана.

Что ж. План «А» провалился. Переходим к прямому наступлению.

— Как грустно, — вздохнула я с театральной печалью. — Сидеть втроём в такой тесной комнатке и даже не пообедать вместе. Это же не способствует... командному духу! Я настаиваю. Хотя бы один из вас должен проявить рыцарские манеры и проводить даму.

Алерт наконец встал. Правда в его взгляде не было ни капли радости по этому поводу. Скорее уж раздражающая повинность.

— Вам показать дорогу? — спросил он всё тем же безжизненным тоном. Это был не вопрос, а констатация необ-

ходимости.

— Да! — ответила я с победоносной улыбкой, хотя победа была весьма условной.

Мы вышли. Мужчина шёл в двух шагах впереди, молчаливый. Я попыталась разговорить его.

— Здесь, наверное, очень интересно работать? Такие важные дела...

— Работа есть работа.

— А вы давно вместе с Брианом... то есть, работаете в паре?

— Достаточно.

— Наверное, скучно без женского общества в офисе?

— Работа не предполагает развлечений.

Каждая моя попытка разбивалась о каменную стену его односложных ответов. Даже взгляд его был устремлён куда-то в точку перед собой, а не на меня. Вздохнула, временно решив не лезть.
Не зря мама мне часто говорила о том, что голодный мужчина - всегда злой. А тут целый дракон! Может поест и станет разговорчивее?

Столовая оказалась просторным, шумным и душным залом. Запах дешёвой пищи ударил в нос. Я не смогла сдержать лёгкой гримасы, которую Алерт, кажется, заметил краем глаза, но никак не отреагировал.

Он молча взял поднос, взял стандартный набор: суп, жаркое, компот. Я, скрепя сердце, последовала его примеру. Мы сели друг напротив друга за небольшим отдельно стоящим

столиком. Он тут же принялся есть, методично и быстро, не глядя по сторонам.

— Ну как? Вкусно? — спросила я, ковыряя вилкой в своём «жарком».

— Питательно.

— Вы всегда такой... немногословный? Или это только со мной?

Он поднял на меня взгляд. В нём не было ни злости, ни усталости. Была полная, абсолютная пустота.

— Я всегда говорю по делу, Лира фон Дарнелль. Сейчас дело – обед. Его цель – утолить голод, а не поддержать светскую беседу.

Меня будто облили ледяной водой. Но сдаваться я не привыкла.

— Ах, вот как! — сказала я с преувеличенной лёгкостью. — Значит, за едой вы отключаетесь? Жаль. А я то думала, может, расскажете, что за интересные бумаги у вас на столах лежат. Не то что мои скучные жалобы.

Он отложил вилку. Звук был тихий, но отчётливый.

— Вы затронули служебную информацию. Это недопустимо. Ещё одно подобное любопытство – и я буду вынужден доложить вашему отцу о вашей несосредоточенности на прямых обязанностях.

В его голосе не было угрозы. Был холодный факт. Как будто он говорил о необходимости сменить чернила.

Всё. План «Б» был уничтожен на корню. Я почувствовала,

как по щекам разливается краска обиды, но сжала зубы.

— Ясно, — процедила я, вставая, так и не притронувшись к еде. — Тогда я не буду вас отвлекать от такого важного процесса, как поглощение... питательной массы. И схожу за бутербродом для вашего товарища, раз уж он так погружён в работу, что забыл о базовых потребностях.

Я повернулась и пошла к выходу, не оглядываясь. У прилавка с бутербродами я выбрала самый невзрачный, сухой кусок, едва сдерживая желание швырнуть его куда подальше.

Вернувшись в кабинет, я бросила свёрток на край стола Бриана, так, что он слегка подпрыгнул. Он лишь на секунду оторвался от бумаг, кивнул с тем же безразличием, с каким смотрят на принесённую почту, и снова углубился в чтение.

Я села за свой стол, чувствуя непривычное жжение в глазах. Не от слёз. От злости.

Хорошо. Отлично. Они хотят войны на холодном безразличии? Они её получают. Но я, Лира фон Дарнель, буду сражаться до последнего.

Я заставлю эти ледяные статуи заметить меня. Хотя бы для того, чтобы потом стереть с их лиц это вечное, надменное спокойствие!

Глава шестая. В которой роза устраивает внезапную осаду

Остаток дня я с упорством, достойным лучшего применения, вгрызалась в скучнейшую до оскомины работу. Мужчины рядом больше не разговаривали. Вообще.

Вместо разговоров они начали переписываться. На одном листе бумаги. Быстро, почти не глядя, передавая его друг другу.

Я краем глаза пыталась разглядеть хоть что-то, но почерк был стремительным, а сами они сидели так, что заслоняли лист от меня спинами.

Это было донельзя раздражающе. Словно два школьника на уроке, передающие записку, и я – старая, злая учительница, которой они не доверяют.

Что ж, мне оставалось только заниматься своей рутинной. К концу дня у меня началась настоящая мигрень – тупая боль за левым глазом, а пальцы правой руки свело судорогой от постоянного писания. Но я, стиснув зубы, доделала одну из выданных мне стопок корреспонденции ровно к тому времени, когда часы на стене пробили конец рабочего дня.

Я встала, с облегчением выдохнув, и собрала стопку обработанных писем. Насколько я поняла за день, тут главное было Бриан. Он отдавал распоряжения Алерту. Значит, отчи-

тываться надо ему.

— Вот всё, что я сделала за день, — заявила я, водружая аккуратную пачку на край его стола, прямо поверх какой-то схемы. — Все жалобы просмотрены, краткие сводки составлены. Входящую корреспонденцию разложила по папкам. — Для пущей важности я добавила к этому ещё три довольно объёмные стопки других бумаг, которые успела систематизировать. — Надеюсь, на сегодня я могу быть свободна? — уточнила я, пытаясь поймать его взгляд.

То, что эти крепкие орешки так просто не сдадутся, я уже поняла. Но ничего. Я здесь надолго. У меня будет время достучаться.

Бриан медленно поднял на меня взгляд. Его фиолетовые глаза были пусты, словно он только что вышел из глубокой медитации и вообще впервые меня видел.

— Ты могла бы оставить это на своём столе, — безмятежно, почти скупающе отреагировал он. — Но спасибо, что сообщила.

Его голос был сухой и безжизненный. Совсем не таким, каким он утром, оживлённо, хотя и тихо, обсуждал с Алертом канцлерские интриги. Похоже, эти двое дружно решили взять меня в плотную информационную блокаду.

Игнорируют? Ну уж нет. Игнорировать можно фон или картину на стене. Меня – нет.

— Могла бы, — улыбнулась я так сладко, что у себя на языке почувствовала привкус мёда. — Но раз один из вас

мой начальник, — я сделала паузу, давая слову «начальник» повиснуть в воздухе, — то я решила отчитаться как положено. Кто, кстати, мой прямой руководитель? — спросила я с деловым видом.

Я была доброжелательна, как ангел, и профессиональна, как лучший клерк империи.

— Нам ведь теперь работать вместе, — протянула я, заметив, как Алерт, сидящий рядом, едва заметно скривился. — Не знаю, как вы, а я весьма рада такой... интересной компании на работе! Может быть, кто-то из вас проводит меня домой? В знак доброго начала нашего сотрудничества?

Я, конечно, ни на что не надеялась. Просто решила поддразнить этих угрюмых бук. Пусть хоть как-то отреагируют. А то сидят, как два изваяния.

Мужчины переглянулись. Взгляд Алерта метнулся к двери, и мне показалось, что в его золотистых глазах на секунду мелькнула самая настоящая паника.

— Эм... не думаю, что я могу, — выдал он вдруг, вскакивая со стула так резко, что тот заскрипел. — Я тут вспомнил... у меня назначена встреча! Очень срочная!

Он схватил свой плащ со стойки, даже не надевая его должным образом, и буквально выскочил из комнаты, хлопнув дверью. Я хмыкнула, глядя на его стремительное бегство. Ещё три минуты назад он спокойно чертил что-то в блокноте и явно не собирался никуда идти.

Перевела взгляд на Бриана. Теперь мы остались одни.

— Что ж, — протянула я кокетливо, поправляя выбившийся локон. — Мы остались одни. Ну так что, проводишь? На улице уже темно. — Я глянула в окно, где на город действительно опустились синие зимние сумерки. — Холодно... а я так боюсь садиться в наёмный экипаж с незнакомцами. Вдруг извозчик окажется маньяком? А ты такой сильный, дракон...

Бриан сглотнул. На его обычно бесстрастном лице мелькнуло выражение, которое я с трудом идентифицировала как «застигнутый врасплох».

— Ваш отец, герцог Дарнелъ, наверняка будет рад вас проводить, — выдавил он, отводя взгляд к своим бумагам, как к спасительному острову.

Я коварно улыбнулась, сделав шаг ближе к его столу.

— Ну что вы! У советника императора так много важной работы. Я не хочу отвлекать любимого папочку по таким пустякам. Но вы... — я обвела его стол взглядом, — вы так усердно трудились целый день. Я уверена, что у вас почти не осталось работы на сегодня. Вы же уже почти всё закончили, правда?

Мужчина заторможенно, будто против своей воли, глянул на край своего стола, где действительно лежало уже не так много папок по сравнению с утром.

— Я... я ещё занят, — пробормотал он, и это был первый за весь день звук, в котором почувствовалась неуверенность, а не холод.

— Ничего! — весело отмахнулась я. — Я подожду! Не могу же я отпустить своего нового коллегу одного в такую темноту и стужу. Это неправильно!

И прежде чем он успел что-то возразить, я уселась на стул прямо напротив него, аккуратно сложив руки на коленках, и уставилась на него ожидающим взглядом.

Дракон явно не ожидал такого прямого, наглого и жизне-радостного напора. Он замер, его рука с пером зависла над бумагой. В его фиолетовых глазах бушевала настоящая буря: недоумение, раздражение, растерянность и тень паники, которую он пытался скрыть.

Но я не испуганная девчонка, которая боится перечить мужчине. У меня за спиной — двадцать два года успешных манипуляций над мужчинами всех мастей, включая собственного отца, герцога и советника императора.

Я не сдаюсь просто так. Посмотрим, кто кого перетерпит. Мужчина честно попытался было вернуться к документам, но сдался уже через три минуты, раздражённо выдохнув и устало потеряв переносицу.

— Хорошо, — выдохнул он сквозь зубы, и в этом слове слышалось что-то злобно-обречённое. — Я провожу вас.

Это было весьма неожиданно. Я-то рассчитывала лишь подразнить его, устроить небольшую панику и с чувством выполненного долга уехать в отцовской карете. Но итог... итог мне нравился куда больше.

— Ой, это так замечательно! — выдала я, ничуть не расте-

рвавшись, а, наоборот, расцветая от внутреннего торжества. — Я так рада, что у меня будет такая хорошая компания в пути домой! А может, хотите зайти к нам в гости? Я угощу чаем... — закинула я пробную, очень тонкую ниточку, наблюдая за его реакцией.

Мужчина тут же, будто обжёгшись, отпрянул в сторону и испуганно выдохнул:

— Нет! Я только провожу до дома. И всё.

Он резко встал, раздражённо схватил со спинки стула свой тёмный, строгого покроя плащ и набросил его на плечи. Я поспешила надеть свою накидку и взять муфту, стараясь не отставать от его стремительных движений.

— И чтобы вы знали, — выдал он вдруг, уже направляясь к двери, — я предпочитаю ходить домой пешком.

Я удивлённо подняла бровь. Сердце екнуло. На улице стоял зимний вечер, наверняка уже давно подморозило... Но отступать я уже не намерена. Какая же я герцогская дочь, если испугаюсь зимней прогулки?

— Ничего! Прогулки на свежем воздухе очень полезны, вы правы! — воскликнула я с наигранным энтузиазмом. — Я с удовольствием прогуляюсь с вами!

Не дав ему опомниться, я ловко подхватила его под руку и почти потянула за собой в коридор.

— Надеюсь, вы расскажете мне по пути чуть больше о нашей работе, — начала я, едва мы вышли на холодную, освещённую редкими фонарями улицу. Морозный воздух обжёг

лёгкие, но я сделала вид, что мне очень комфортно. — А может быть, не о работе, а о вас? Чем вы любите заниматься в свободное время? У вас есть супруга? Или, может быть, невеста? Девушка?

Он шёл быстро, почти не глядя на меня. Его рука под моей была напряжена, как пружина.

— Моя личная жизнь не имеет отношения к работе, Лира фон Дарнель, — отрезал он, и его голос звучал ещё холоднее окружающего воздуха.

— Ой, ну мы же теперь коллеги! — не унималась я, прижимаясь чуть ближе, будто от холода. — Коллеги должны знать друг о друге чуть больше, чем «здравствуйте» и «до свидания». Это сплачивает коллектив! Вот, например, я обожаю театр, новые платья и шоколадные трюфели из кондитерской «Люсиль». А вы? Вам нравится читать? Может, увлекаетесь фехтованием? Или коллекционируете что-нибудь? Старинные карты, например?

— Нет.

— Нет — что? Не читаете, не фехтуете или не коллекционируете?

— Всё сразу, — сквозь зубы произнёс он, ускоряя шаг так, что мне пришлось почти бежать рядом на своих не самых удобных для прогулок ботиночках.

— Как скучно, — вздохнула я с преувеличенной печалью. — А я-то думала, у дракона из клана Разума должны быть невероятно утончённые хобби. Расшифровывать древ-

ние манускрипты, медитировать над шахматными задачами... А вы, оказывается, просто... работаете.

Он резко остановился и наконец повернулся ко мне. В тусклом свете фонаря его фиолетовые глаза сверкали ледяным раздражением.

— Лира, — произнёс он с подчёркнутой чёткостью. — Я согласился вас проводить. Это не означает, что я согласился на допрос. Можете вы пройти оставшийся путь в тишине? Или вам обязательно нужен звуковой фон для вашей прогулки?

Я сделала большие, невинные глаза.

— Но я же просто пытаюсь наладить контакт! Мы же должны как-то взаимодействовать в офисе.

Он снова вздохнул, и этот вздох был полон такого отчаяния, что мне едва удалось сдержать смех.

— Наше взаимодействие в офисе ограничивается вашей работой с входящей корреспонденцией. Всё. Больше нам не о чём говорить. Идёмте, холодно.

Он снова зашагал, и на этот раз я позволила себе немного помолчать, наслаждаясь картиной: могучий дракон клана Разума, раздражённый до глубины души, вынужден вести под руку болтливую герцогиню через пол-города. Это была маленькая, но такая сладкая победа.

Правда, победа далась недёшево: к тому моменту, как вдали показались знакомые огни нашего особняка, мои ноги гудели, нос покраснел, а в муфте пальцы едва чувствовали теп-

ло. Но я улыбалась. Потому что завтра будет новый день. И новая битва.

Глава седьмая. В которой дракон попадает в плен

Путь до особняка фон Дарнель под ледяную мелодию стука моих зубов показался мне вечностью. Я уже начала обдумывать новую стратегию на завтра, когда мы наконец подошли к резным дубовым дверям особняка.

Спасительные огни родного дома, обычно такие уютные, сегодня горели как-то уж слишком ярко и гостеприимно. Я уже открыла рот, чтобы бросить что-то вроде «Ну что ж, спасибо за сопровождение, коллега, не забудьте завтра к девяти», но судьба (или какой-то злобный бог с чувством юмора) распорядилась иначе.

Двери распахнулись раньше, чем я успела до них дотянуться. На пороге, залитая светом из холла, стояла она.

Герцогиня Виолетта фон Дарнель. Моя мама.

Она вернулась из Фарейны. И не просто вернулась — она явилась, как всегда, во всеоружии. На ней было платье последнего модного кроя (я узнала фасон — он появился буквально пару недель назад), от которого пахло дорогими духами, морским бризом и безудержной энергией. Её каштановые волосы были уложены в сложную, но воздушную причёску, а в карих глазах горели огоньки, которые я знала слишком хорошо. Огоньки охоты.

— Лирочка, солнышко моё! — её голос, звонкий и слегка театральный, разнёсся по замёрзшей улице. Она уже протягивала ко мне руки, но её взгляд — острый, как скальпель, — уже скользнул по Бриану, задержался на его лице, на плаще хорошего, но строгого покроя, на осанке, и... зажёгся. Это был взгляд коллекционера, нашедшего редчайший фарфор, или игрока, увидевшего козырного туза. — А это кто? Ты не представляешь гостя, доченька!

Я почувствовала, как всё внутри меня сжалось в один комок ледяного ужаса. Нет. Только не это. Любой ценой спастись. Спасти его. Спасти себя от этого кошмара.

— Мама, это мой коллега, Бриан фон Кирэль, — проговорила я быстро, пытаюсь вставить в голос как можно больше официальности и сухости. — Он просто меня проводил. Из вежливости. Рабочий момент. Он уже уходит.

Я дернула Бриана за рукав, давая ему сигнал к немедленному, паническому бегству. Но было поздно.

— Фон Кирэль? — мама приставила изящную ручку с длинными пальцами к губам, изображая лёгкое изумление, но в её глазах уже сверкала победа.

Она знала все значимые имена в империи. Клан драконов Разума. Не просто дракон. Дракон из высшей аристократии магического мира.

— Боже мой, да вы из клана Кирэлей! Да вас же старейшина Арманд воспитывал! Мы с вашей тётушкой, леди Ирмой, вместе учились в пансионе «Серебряная Роза»! Какая

неожиданная и приятная встреча!

Она сделала шаг вперёд, и её энергетическое поле, обычно направленное на выбор обоев или разгром неудачливого кутюрье, сомкнулось вокруг Бриана, отрезая ему путь к отступлению.

— Герцогиня, — Бриан попытался сделать шаг назад и склониться в вежливом, но отстранённом поклоне. — Очень приятно. Но, к сожалению, я не могу...

— Не можете уйти, не выпив чаю, конечно же! — перебила его мама с обворожительной улыбкой, хватая его за руку выше локтя с силой, которую никогда не ожидаешь от такой хрупкой на вид женщины. — Вы провели мою дочь через полгорода в такую стужу! Я просто не позволю вам уйти с порога! Лира, что же ты стоишь? Приглашай гостя в гостиную! Немедленно!

Она уже тащила Бриана внутрь, а он шёл, словно загипнотизированный, с выражением лица человека, который внезапно осознал, что попал в капкан.

Его фиолетовые глаза метнули в мою сторону взгляд, в котором читалось чистейшее, неподдельное: «Что это было и как мне отсюда выбраться?»

Я, обречённо вздохнув, поплелась за ними. Война с холодными драконами в офисе казалась теперь детской забавой по сравнению с предстоящим штормом.

Гостиная, утопающая в шелках, антикварной мебели и тепле камина, встретила нас уютом, который для Бриана,

должно быть, казался ловушкой. Мама усадила его в самое глубокое, мягкое кресло прямо у огня — стратегически так, чтобы встать и незаметно ускользнуть было практически невозможно.

— Лира, дорогая, распорядись насчёт чая! Самый лучший, сандвичский, с лепестками роз! И принеси те шоколадные эклеры, что я привезла из поездки! — скомандовала она, не отрывая пристального взгляда от нашей «добычи». — Мистер фон Кирэль, вы должны быть заморожены до костей. Как это мило с вашей стороны — сопровождать Лиру.

— Это была... рабочая необходимость, — выдавил Бриан, сидя в кресле с прямой, как палка, спиной, словно на совещании у императора, а не на чаепитии.

— Рабочая? — мама приподняла бровь, и в её взгляде заплясали искорки живейшего интереса. — Лира ничего не говорила, что у неё такие... выдающиеся коллеги. Вы, значит, вместе трудитесь?

Наверняка мама еще не знала о том, что отец отправил наказал меня работой, но она быстро ориентировалась в ситуации и не собиралась отступать.

— В некотором роде, — ответил Бриан, и его взгляд, полный немой мольбы, снова нашел меня у двери.

— Мам, — вступила я, пытаясь отвлечь маменьку. — Бриан очень занят. У него ещё куча дел. Мы не должны его задерживать.

— Какие могут быть дела в такой час? — отмахнулась она,

как от назойливой мухи. — Все дела подождут. Здоровье и гостеприимство — прежде всего. А вы, мистер фон Кирэль, давно в столице? Ваша семья, наверное, скучает по вам в родовом гнезде?

Она сыпала вопросами, не давая ему вставить и слова, мягко, но неумолимо затягивая петлю светской беседы вокруг его шеи.

Я вернулась с подносом, который несла горничная. Расставила чашки с таким звоном, на какой была способна, надеясь создать диверсию. Не сработало.

— Спасибо, солнышко, — мама взяла чашку, не прерываясь. — ...Так вы говорите, ваша мать увлекается разведением редких орхидей? Ах, какое совпадение! У нас целая оранжерея! Вы просто обязаны как-нибудь её посмотреть. Лира, конечно, вам покажет, она у меня цветы обожает, правда, милая?

Я, наливав чай Бриану, чуть не пролила кипяток ему на колени. Я обожаю цветы ровно до тех пор, пока они красиво стоят в вазе, срезанные кем-то другим.

— Э... конечно, мама, — пробормотала я.

Бриан взял свою чашку двумя пальцами, будто это был опасный артефакт. Его фиолетовые глаза изучали узор на фарфоре с таким напряжённым вниманием, словно там была зашифрована инструкция по побегу.

— Вы знаете, — продолжала мама, откусывая крошечный кусочек эклера, — Лира у нас девочка хоть и немного изба-

лованная, но золотая. Сердце — нараспашку. Умная, образованная — закончила Академию, представьте! — и с характером. Настоящая фон Дарнель. Многие молодые люди из самых лучших семей интересовались, но она всё такая разборчивая...

— МАМА! — моё восклицание прозвучало так резко, что даже Бриан вздрогнул. — Бриану наверняка не интересны наши семейные дела. Он мой начальник. На работе мы обсуждаем... налоги. И жалобы баронов.

Я бросила на него взгляд, полный отчаяния и извинений. Я, конечно, хотела немного поиграть с ним, как с мужчиной, но с порога женить на себе? Нет, на такое я не согласна!

— Налоги, — повторил он глухо, уцепившись за это слово, как утопающий за соломинку. — Да.

— Начальник? — проигнорировала мама мою вспышку, но слово уловила. Её брови взлетели ещё выше. — Так вы, значит, руководите моей дочерью? Это же замечательно! Значит, вы можете оценить её потенциал! Она способная, правда? Упорная?

Бриан, краснея (о боги, дракон краснел!), сделал глоток чаю, чтобы выиграть время.

— Она... выполняет поставленные задачи, — произнёс он наконец, и это была самая дипломатичная формулировка, которую я когда-либо слышала.

— Выполняет! — обрадовалась мама, как будто он только что назвал меня гением века. — Слышишь, Лира? Твой на-

чальник доволен! А я всегда знала, что из тебя выйдет толк, если направить твою энергию в нужное русло. Вот вы, мистер фон Кирэль, как раз, чувствую, дракон, который может её направить. У вас такой... вдумчивый взгляд.

Я похолодела. «Направить» в лексиконе матери имело только одно значение — к алтарю. Бриан, кажется, тоже это понял. Он поставил чашку с таким лязгом, что она чуть не треснула.

— Герцогиня, вы чрезмерно добры. Но мне правда пора. У меня... несрочное, но очень важное дело. По работе.

Он попытался встать, но мама была быстрее. Она легонько, но властно положила руку ему на плечо, снова пригвоздив к креслу.

— Одну минуту! — сказала она, и в её голосе зазвучали нотки, которые не оставляли места для возражений. — Вы должны попробовать эти эклеры. Шеф-повар собственной персоной их готовил, рецепт из самого Людорнига. Лира, дай гостю эклер. Тот, с золотой крошкой.

Я, чувствуя себя сообщником в преступлении, протянула Бриану тарелку. Он взял её, глядя на эклер с тем же выражением, с каким, вероятно, смотрел на бы яд.

— Спасибо, — пробормотал он.

В комнате повисла тягостная пауза, нарушаемая только треском поленьев в камине. Мама смотрела на нас обоих с видом садовника, любующегося двумя особенно перспективными ростками.

— Знаете, — начала она снова, сладко улыбаясь, — когда я увидела вас двоих на пороге, такая мысль меня посетила... Какая красивая пара. Оба такие статные, он — представитель древней драконьей крови, она — цвет старой аристократии. Прямо картинка!

У меня в ушах зазвенело. Бриан подавился крошкой от эклера и закашлялся.

— Мама, ради всего святого! — зашипела я, вскакивая. — Он коллега! Он меня терпеть не может!

Это, наконец, на секунду озадачило мать. Она перевела взгляд с моё пылающее лицо на Бриана, который, откашлявшись, смотрел на меня с чем-то вроде... признательности? Наконец-то кто-то сказал правду вслух.

— Конфликт на рабочем месте? — переспросила мама, и её тон стал чуть более деловым, но не менее заинтересованным. — Это даже лучше. Страсть часто начинается с противостояния. Помнишь, я читала тебе тот роман про леди Амальтею и герцога Валлийского? Они же сначала на дуэль хотели друг друга вызвать, а в конце...

— В конце она столкнула его с утёса, и он выжил только потому, что обернулся драконом, — мрачно закончила я. — Это не самый здоровый сценарий для рабочих отношений, мама.

Бриан снова попытался встать, на этот раз более решительно.

— Герцогиня, Лира права. Наши отношения строго про-

фессиональны. И я очень ценю ваше гостеприимство, но мне необходимо идти. Поздно.

Мама вздохнула, смотря на него с театральной грустью, но наконец-то ослабила хватку.

— Что ж, если вы так настаиваете... Но вы же придёте ещё? Как-нибудь на ужин? Мой муж, герцог, будет так рад познакомиться с коллегой дочери поближе.

Ага, словно они еще не знакомы.

— Обязательно... как-нибудь, — солгал Бриан так прозрачно, что это наверняка было слышно даже глупцу, но не моей матери.

Он почти бегом направился к выходу, на ходу накидывая плащ.

Я проводила его до двери, чувствуя жгучий стыд и дикое желание провалиться сквозь землю.

— Бриан, я... — начала я, но он резко обернулся.

Его фиолетовые глаза, обычно такие холодные, теперь пылали смесью паники, раздражения и какого-то нового, животного ужаса.

— Завтра. На работе. Ни слова об этом, — прошипел он так тихо, что я едва расслышала. — Ни. Слова.

И он исчез в зимней темноте, словно его и не было.

Я закрыла дверь и, облокотившись на неё лбом, издала долгий, стонущий звук.

Сзади раздался довольный голос матери:

— Ну что, солнышко? Отличный экземпляр! Молод, кра-

сив, из прекрасной семьи, с положением. Немного замкнут, но это исправимо. Нужно просто разогреть. Ты приглашай его чаще. А я, тем временем, наведу справки о его семейном состоянии и матримониальных планах.

Я медленно обернулась, глядя на неё с выражением полной безнадёги.

— Мама. Он дракон клана Разума. Он, возможно, прямо сейчас читает мои мысли. И в них одна сплошная паника и желание сбежать на край света.

— Пусть читает! — мама махнула рукой. — Пусть знает, с кем имеет дело. У фон Дарнелей нервы стальные. И планы — грандиозные. Завтра надень то голубое платье с серебряной вышивкой. Оно тебе очень идет.

Она удалилась вглубь дома, напевая какую-то весёлую арию, оставив меня одну в холле с пониманием одной простой истины: драконы в канцелярии были сущими котятками по сравнению с моей маменькой, которая решила так не вовремя вернуться из своего путешествия.

Глава восьмая. В которой роза делает вид, что вчерашнего чаепития не было

Утро. Зловеще тихое. Я стояла у конюшни в десятый раз проверяя часы, но сегодня не от нетерпения, а от сковывающей нервозности. На мне было то самое голубое платье с серебряной вышивкой — я надела его назло, как доспехи. Пусть думает, что я специально готовилась!

Я не готовилась. Просто оно идеально сидит.

В голове крутилась одна мысль: «Это ничего не значит. Это было сумасшествие матери. Я — профессионал. Он — коллега. Всё».

Но когда я вошла в крохотный кабинет, сердце екнуло. Они оба уже были на месте. Алерт что-то чертил на карте, Бриан просматривал папку. Никаких признаков вчерашнего кошмара. Ни паники, ни намёка на ярость. Просто... обычное утро.

— Доброе утро, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал непринуждённо и деловито, как у человека, чьи мысли заняты исключительно налогами и жалобами.

Алерт кивнул, не отрываясь от карты. Бриан поднял на меня взгляд. Фиолетовые глаза были абсолютно пустыми, как отполированный аметист. Ни тени воспоминаний.

— Доброе утро, Лира, — произнёс он ровным, безэмоциональным тоном. — На вашем столе новая партия входящих документов. Прощения о помиловании от заключённых тюрьмы «Чёрный Крест». Нужно выделить суть просьбы, краткую биографию просителя и отметить, есть ли ходатайства от знатных лиц.

Он говорил так, будто вчера не бежал из нашего дома, как из ада, а провёл вечер в продуктивных медитациях. Это обезоруживало.

— Прощения о помиловании? — переспросила я, снимая плащ и аккуратно вешая его на стойку. — Звучит куда интереснее, чем жалобы на разбойников. В них наверняка полно драмы, раскаяния и отчаянных попыток выкрутиться.

Я подошла к своему столу. Там действительно лежала стопка потрёпанных, часто небрежно исписанных листов. Первое, что бросилось в глаза: «Умоляю о снисхождении, ибо в ночь преступления луна была кровавой и левая нога чесалась...»

— О, — не удержалась я, поднимая брови. — Похоже, некоторые просители путают канцелярию с сумасшедшим домом. Что ж, будет весело.

Я села, ловя краем глаза реакцию. Никакой. Совсем. Они оба погрузились в работу. Тишина. Только скрип перьев.

Тактика «игнорирования» явно сменилась тактикой «полного профессионального нейтралитета». Что, в общем-то, было шагом вперёд. По крайней мере, меня не пытались сде-

лать невидимой.

Я вздохнула и взяла первое прошение. Работа закипела. Сосредоточиться было сложно — каждая клеточка моего тела была напряжена в ожидании намёка, шутки, упрёка. Но ничего. Просто тишина.

Через час я не выдержала. Нужно было проверить границы этого нового «перемирия».

— Скажите, коллеги, — начала я, не отрываясь от очередного витиеватого послания, — а часто помилования вообще удовлетворяются? Или это просто способ дать несчастным ложную надежду и завалить нас бумагами?

Алерт первым отозвался. Его голос был таким же ровным, как поверхность лесного озера.

— Примерно каждое двадцатое. Если за ним стоит реальное доказательство судебной ошибки или серьёзное ходатайство влиятельного лица. Остальное — балласт.

— Жестоко, — заметила я, ставя на полях пометку «прошение основано на астрологии – отклонить». — Но практично. А вы, Бриан, что думаете?

Я рискнула посмотреть на него. Он медленно отложил своё перо.

— Я думаю, что законы существуют для того, чтобы их соблюдать, — произнёс он. — А эмоции — плохой советчик в вопросах закона. Даже если они изложены в трёхстраничном послании с описанием детства просителя и его больной собаки.

В его голосе не было ни насмешки, ни раздражения. Была констатация факта. И что-то ещё... лёгкий, почти неосязаемый оттенок чего-то общего. Как будто он тоже читал про кровавую луну и чешущуюся ногу. Впрочем, наверняка до того, как я тут появилась, им самим приходилось разбирать все эти бумаги, значит наверняка читал нечто подобное.

Я не могла удержаться от лёгкой улыбки.

— Согласна. Хотя история про собаку была бы довольно трогательной.

— Сентиментальность не оправдывает преступления, — сухо заключил Алерт.

— О, конечно нет! — воскликнула я, снова делая вид, что погружена в работу. — Я просто отмечаю стилистические приёмы. Некоторые тут пишут с истинно литературным талантом. Может, после тюрьмы им стоит в писатели податься? — невинно пошутила.

В воздухе повисла ту же не такая леденящая тишина. Это был прогресс.

Перед обедом я снова решила атаковать, но теперь — с позиции образцовой сотрудницы. Я аккуратно сложила обработанные прошения в стопку и подошла к Бриану.

— Первая партия готова. Три рекомендации к рассмотрению (одно — по ошибке судьи, два — по ходатайствам), семнадцать — к отклонению. Резюме приложены.

Он взял папку, бегло просмотрел мои пометки. Его бровь почти неуловимо дрогнула.

— «Основание: астрология не является смягчающим обстоятельством по имперскому праву», — прочёл он вслух мою заметку на том самом прошении. И... уголки его губ дрогнули. Самый микроскопический, моментально подавленный намёк на что-то, что могло бы быть улыбкой. — Лаконично.

Это было как луч солнца в ледяной пещере.

— Стараюсь, — сказала я сладко, делая глаза чуть больше. — Так что, насчёт обеда? Вчера я, кажется, так и не запомнила дорогу в столовую. Не проведёте ли меня снова? Оба? — добавила я, переводя взгляд на Алерта. — А то в одиночестве есть так скучно. И непродуктивно. Мы же могли бы обсудить... рабочие моменты.

Я ожидала отказа. Ледяного взгляда. Односложного «нет». Но оба дракона переглянулись. Мне показалось, что между ними промелькнул какой-то беззвучный диалог. Потом Алерт вздохнул — не раздражённо, а скорее обречённо.

— Допустим, — произнёс он.

Победа. Маленькая, но очень сладкая.

В столовой мы снова оказались за отдельным столиком. На этот раз я взяла не суп, а лёгкий салат и чай. И повела себя иначе. Никаких прямых атак. Только лёгкий, ненавязчивый флирт, приправленный профессиональными вопросами.

— Знаете, пока читала прошения, задумалась, — начала я, изящно орудуя вилкой. — Как вы, драконы, вообще воспринимаете время? Для вас двадцать лет тюрьмы — это мно-

го? Миг? Как это соотносится с вашим... долголетием?

Алерт, отрезая кусок мяса, ответил первым:

— Время относительно. Двадцать лет — достаточный срок, чтобы общество забыло о преступнике, а он сам — отвык от свободы. Долгая жизнь не отменяет ценности отрезка, проведённого в неволе.

— Глубокомысленно, — кивнула я, затем повернулась к Бриану. — А вы? Согласны? Или драконы Разума измеряют время количеством прочитанных томов и раскрытых заговоров?

Бриан отпил воды, его взгляд был направлен куда-то поверх моей головы.

— Время — ресурс. Его можно потратить эффективно или расточительно. Тюрьма — пример максимально расточительного использования, с точки зрения продуктивности для общества и самого индивида.

— Прагматично, — улыбнулась я. — Но что, если там, в тюрьме, он написал гениальный трактат? Или изобрёл что-то?

— Тогда, — парировал Бриан, наконец посмотрев на меня, — это вопрос к системе, допустившей, что гений стал преступником. А не к сроку его заключения.

— Ого, — сделала я большие глаза. — А это уже почти крамольная мысль, мистер фон Кирэль. Не опасна ли для дракона Разума?

На его лице снова промелькнула тень чего-то живого —

лёгкого вызова, интеллектуальной игры.

— Констатация ошибки в законодательстве не равна критике империи. Это первый шаг к её оптимизации.

— Оптимизации, — протянула я, кокетливо наклонив голову. — Звучит скучновато. Я бы сказала — к усовершенствованию. С помощью, например, свежего взгляда.

— Свежий взгляд часто приводит к хаосу, — вставил Алерт, но в его тоне не было прежней резкости.

— Или к инновациям, — парировала я, сверкнув на него улыбкой. — Всё зависит от того, кто этот взгляд направляет. Необученный проходимец наделает дыр в стене. А опытный архитектор... построит на этом месте что-то новое.

Я отпила чаю, наблюдая за их реакцией. Они снова переглянулись. На этот раз молчание между ними было задумчивым.

— Вы сегодня необычайно философичны, Лира, — заметил Бриан, и в его голосе впервые зазвучал оттенок простого человеческого любопытства, без холодной оценки.

— Работа наводит на размышления, — пожалала я плечами с наигранной лёгкостью. — Когда целый день читаешь о чужих падениях и отчаянных попытках встать, невольно задумаешься о жизненной философии. И о том, что иногда маленькое решение — вроде того, чтобы выпить чаю с коллегами, — может изменить весь день к лучшему.

Я сказала это легко, без намёка на вчерашнее. Просто констатация. Они оба что-то промычали в ответ, но атмосфера

за столом стала... не такой натянутой.

Остаток дня прошёл в странной, новой атмосфере. Они не игнорировали меня. Отвечали на вопросы по работе, иногда даже коротко обсуждали сложные случаи из прошений.

Я флиртовала, но тонко, как кружевами отделявая деловые реплики: «С вашей проницательностью, Алерт, наверняка видно, врёт этот купец о своих убытках или нет?» или «Бриан, ваш аналитический ум, должно быть, устаёт от такой рутины. Не хотите, я принесу вам кофе? Чтобы взбодрить драконью мысль?»

Я не переходила границ. Работала идеально, быстро и аккуратно. И к концу дня чувствовала не измождение, а странное, бодрящее удовлетворение.

Я выдержала. Я не сломалась. Более того — я, кажется, сдвинула эти ледяные глыбы с мёртвой точки.

Уходя, я снова собрала свои папки и, улыбаясь, положила их на стол Бриану.

— До завтра, коллеги. Надеюсь, завтрашние документы будут не менее... вдохновляющими.

— До завтра, Лира, — сказал Алерт, и в его голосе звучала обычная сухость, но без прежней отстранённости.

Бриан просто кивнул, но его фиолетовый взгляд на секунду задержался на мне — оценивающий, задумчивый.

Я вышла на улицу, где уже сгущались зимние сумерки. Вчерашний стыд и ужас отступили, сменившись странной, пульсирующей уверенностью.

Бриан сделал вид, что ничего не было. И я сделала вид. Но под этим «ничего» теперь копошилось что-то новое. Неприязнь сменилась настороженным нейтралитетом, а нейтралитет сегодня начал потихоньку оттаивать.

Я шла домой, и в голове уже строились планы на завтра. Нужно закрепить успех. Может, принести шоколадные трюфели? Нет, слишком прямо. Лучше задать умный вопрос по их расследованию. Такой, чтобы показать, что я не просто болтаю, а думаю.

Ураган по имени Лира не утих. Он просто сменил тактику. И, кажется, начал приносить первые, самые осторожные плоды.

Глава девятая. В которой ураган терпит крушение утром же

Вечером после небольшой, но стратегической победы я пребывала в приподнятом настроении. И это состояние диктовало новые, грандиозные планы. Нужно было закрепить успех. Показать, что я не только работоспособна и остроумна, но и... мила. Совершенно ненавязчиво.

Идея пришла сама собой: пирожные и кофе. Из той самой знаменитой кондитерской «Люсиль», что в двух шагах от дворца. Безупречное качество, тонкий намёк на хороший вкус и отсутствие личной заинтересованности.

Ведь я могла просто зайти туда сама по дороге, правда? Простая вежливость между коллегами.

«Я просто решила позавтракать в кофейне и подумала, что вы, наверное, тоже не против. Простая вежливость», — отрепетировала я про себя, глядя в зеркало.

Звучало непринуждённо, светло.

Но для такого дебюта требовался соответствующий антураж. Вечер был посвящён священному ритуалу выбора наряда. Хаос из шёлка, бархата и кружев снова воцарился в моей будуарной комнате.

— Это? Нет, слишком торжественно, подумают, что я на аудиенцию к императору собираюсь, — отвергла я платье

цвета морской волны. — Это? Слишком скромно, потеряюсь на фоне обоев. Элси, дай мне то шерстяное, с отделкой из серебряной нити... нет, подожди, в нём я вчера была. Они уже видели.

Элси, с лицом мученицы, носилась между шкафами. Я требовала, примеряла, крутилась перед зеркалом и капризничала. В итоге, после полуночи, выбор пал на платье из тонкой шерсти цвета утреннего неба с едва заметным сиреневым подтоном и изящной вышивкой на манжетах и вороте. Сдержанно, элегантно, но с намёком. Идеально для «простой вежливости».

Утром, уже одетая и причёсанная, я заскочила в «Люсиль». Запах шоколада, ванили и свежей выпечки ударил в нос. Я заказала три порции их знаменитых эклеров с кофейным кремом и три кофе в дорожных стаканчиках с гербом заведения. Всё аккуратно упаковали в изящную коробку с лентой. Идеально.

С коробкой в одной руке и подносом с кофе в другой я вышла на улицу, чувствуя себя победительницей, несущей дары миру. Солнце (редкое зимнее чудо) даже выглянуло из-за туч. День начинался прекрасно.

Дворец встретил меня привычным полумраком и суетой. Я осторожно пробиралась по коридору, ведущему к нашей лестнице, стараясь не расплескать драгоценный кофе. Именно в этот момент из боковой арки, ведущей в служебные помещения, выскочил молодой слуга. Он нёс огромную стопку

свежевыглаженных скатертей, возвышавшуюся выше его головы. И что еще хуже — не видел меня.

Я попыталась увернуться, но было поздно. Он врезался в меня плечом.

Мир опрокинулся. Я почувствовала, как из моих рук вырывается и поднос, и коробка. Горячий кофе хлынул мне на грудь, пропитывая шерсть обжигающей, тёмной волной. Коробка шлёпнулась на каменный пол, крышка отскочила, и три прекрасных эклера вывалились, чтобы быть немедленно раздавленными моей же юбкой и чьим-то сапогом. Я сама, поскользнувшись на сладкой жиже, с глухим стуком приземлилась на пол.

На секунду воцарилась тишина, нарушаемая только моим прерывистым дыханием и звуком капающего кофе. Потом слуга, наконец опустив свой тюк, издал испуганный писк.

— О, святые небеса! Л-леди! Простите! Я вас не видел!

Боль от падения отступила перед волной всепоглощающего ужаса и ярости. Я смотрела на своё платье. Прекрасное, сиренево-голубое, тщательно выбранное платье было испорчено. На груди растекалось огромное бурое пятно, от которого шёл пар. Юбка была перемазана кремом и крошками. От пирожных осталась лишь сладкая, липкая масса на полу.

— Ты... ты идиот! — вырвалось у меня, голос дрожал от бешенства. Я попыталась встать, но подошва скользнула. — Смотри куда бежишь! Ты меня чуть не убил!

— Простите, тысячу раз простите! — слуга, бледный как полотно, бросился ко мне, пытаясь помочь подняться, но лишь наступил на остатки эклера, размазав его ещё больше. — Позвольте, я...

— Не трогай меня! — взвизгнула я, отшатываясь и шлёпая по его рукам. — Ты всё только хуже делаешь! Посмотри, что ты наделал! Это платье... это было новое!

Я была унижена, разгневана и перепачкана с ног до головы. Весь мой прекрасный план лежал в руинах, в прямом и переносном смысле, и пахло кофе и кремом.

Я с диким остервенением подобрала смятую, липкую коробку и швырнула её в угол. Потом сорвала с себя испачканный плащ и отшвырнула его подальше.

— Мне... я могу оплатить чистку, миледи... — бормотал слуга, стоя на коленях и безуспешно пытаясь собрать скатерти.

— Отстань! Просто убирайся с глаз моих! — прошипела я, чувствуя, как слёзы злости подступают к глазам. Я не дам им вырваться. Ни за что.

И тут, как по злему року, в конце коридора появилась знакомая статная фигура. Герцог Аларик фон Дарнель. Мой отец. Он шёл не спеша, просматривая какие-то бумаги, и поднял голову как раз в тот момент, когда я, перемазанная, с растрёпанными волосами и лицом, пылающим от ярости, выпрямлялась посреди последствий катастрофы.

Его взгляд скользнул по мне, по растерянному слуге, по

пятну на полу, по плащу в углу. Его лицо не выразило ничего, кроме холодного, безразличного разочарования.

— Лира. Ты опоздала на семь минут, — произнёс он ровным, режущим как сталь голосом. — И, судя по всему, пришла не в самом рабочем виде.

— Папа, это не я... этот болван... — я задохнулась, укаывая на слугу, который замер, как кролик перед удавом.

— Я не интересуюсь оправданиями, — отрезал отец, делая шаг ближе. Его взгляд был тяжёл и неумолим. — Ты на работе. Твоя ответственность — быть здесь вовремя и в подобающем состоянии. Если ты решила устроить себе завтрак с пирожными по дороге, то это твой выбор. Но это не снимает с тебя обязанностей. Цени деньги, Лира. И цени своё место. Или ты хочешь, чтобы я поверил, что это — проявление ответственности?

Каждое слово било по мне, как плеть.

Стыд, жгучий и всепоглощающий, сменил ярость. Я стояла перед ним, вся в грязи и сладких разводах, чувствуя себя не герцогиней, а последней дурнушкой.

— Нет, — прошептала я, опустив голову. — Я... я поспешу.

— Сделай это, — холодно бросил он и, не сказав больше ни слова, прошёл мимо, даже не взглянув на слугу.

Я постояла ещё секунду, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони. Потом, не глядя ни на кого, подобрала свой грязный плащ, скомкала его в руках и, почти бегом, помча-

лась по коридорам к нашему проклятому кабинету.

Я ворвалась внутрь, хлопнув дверью. Оба дракона были на местах. И оба, естественно, подняли на меня глаза.

Картина, которую они увидели, должна была быть достойна кисти какого-нибудь мастера комедии положений: перепачканная, растрёпанная, дышащая гневом и стыдом герцогиня, сжимающая в руках комок ткани, от которого пахнет кофе и кондитерской.

В воздухе повисло напряжённое молчание. Алерт приподнял огненную бровь. Бриан отложил перо, его фиолетовый взгляд скользнул по моему испачканному лифу, и в его глазах мелькнуло что-то... не то чтобы сочувствие, скорее научный интерес к масштабам катастрофы.

— Доброе утро, — выдохнула я сквозь зубы, не глядя на них, и поспешила к своему столу.

Я швырнула плащ под стол и плюхнулась на стул, отчаянно пытаясь стать невидимой. Стыд пылал на моих щеках. Всё было разрушено. Весь мой тщательно построенный образ «остроумной и легкомысленной, но компетентной коллеги» был уничтожен одним неловким слугой и тремя эклерами. Теперь я была просто неряхой, которая опаздывает и обливается кофе.

— Произошло что-то? — осведомился Алерт своим бархатно-ровным голосом. В нём не было насмешки.

— Нет, — буркнула я, начиная лихорадочно рыться в стопке новых прошений, чтобы хоть как-то скрыть лицо. —

Всё прекрасно. Просто небольшое... столкновение с реальностью. В лице идиота со скатертями.

— Судя по аромату, столкновение было в районе кондитерской «Люсиль», — заметил Бриан. Его замечание было таким же сухим и аналитическим, как и всё, что он говорил, но сегодня оно резануло, как нож.

Я резко подняла на него голову.

— А вы эксперт по парфюмерным нотам, дракон? — огрызнулась я. — Да, я зашла туда. Я хотела... я подумала, что... — Я сдалась, махнув рукой. — Неважно что. Теперь это размазано по полу восточного коридора. Вместе с моим достоинством.

Я снова уткнулась в бумаги, но буквы плясали перед глазами. Работа не клеилась. Я чувствовала липкий след крема на руке, въевшийся запах кофе от платья. Каждая клеточка тела кричала о желании сбежать, принять ванну и сжечь это платье. Но я была в ловушке. В этой тесной, пропахшей драконами и позором комнатухе.

Мелкая, жалкая, перепачканная фурия. Вот чем я стала. И самый ужас был в том, что эти двое всё это видели. И отец видел. И, чёрт побери, даже этот несчастный слуга видел моё падение во всех его унижительных подробностях.

День, начавшийся с таких блестящих надежд, окончательно и бесповоротно летел в тартарары. И я летела вместе с ним.

Глава десятая. В которой драконы проявляют подозрительную заботу

День тянулся, как раскалённая смола. Каждая минута была пыткой. Я чувствовала, как засохший кофе стягивает ткань на груди, а сладкий запах эклеров, смешавшись с чернилами, стоял вокруг меня несмываемым облаком позора. Я рылась в прошениях, видя не строки о милосердии, а собственное отражение в полированной поверхности чернильницы: перепачканное, злое лицо.

Когда стрелки поползли к обеду, во мне что-то сжалось. Идти в столовую? В таком виде? Под взглядами десятков служащих, которые уже наверняка обсуждают историю про «ту дуру-герцогиню, что облилась кофе в коридоре»? Ни за что. Я предпочту голодную смерть.

— Я не пойду, — мрачно заявила я в пространство, когда оба дракона начали откладывать свои бумаги. — Не голодна.

Алерт и Бриан переглянулись. Не такими быстрыми, скрытыми взглядами, как обычно, а открыто, с каким-то молчаливым вопросом.

— Это неразумно, — сухо констатировал Бриан. — Когнитивные функции снижаются при недостатке глюкозы. Вам ещё предстоит обработать полстопки прошений.

— Мои когнитивные функции и так сегодня на дне, вме-

сте с теми эклерами, — огрызнулась я, не поднимая головы.
— Не беспокойтесь.

Алерт поднялся и подошёл к моему столу. Он скрестил руки на груди, его золотые глаза изучали меня с тем же бесстрастным интересом, с каким, вероятно, изучал сложный финансовый отчёт.

— Вы стыдитесь испорченного платья, — констатировал он, не как вопрос, а как факт.

Я покраснела ещё сильнее, если это было возможно.

— Гениальное наблюдение, детектив. Я и правда мечтала произвести фурор в столовой в образе уличной торговли пирожками после смены.

— Это решаемо, — вдруг сказал Бриан. Он тоже встал и присоединился к Алерту, создав передо мной внушительную стену из мужского неодобрения и... чего-то ещё. — Незначительная иллюзия. Достаточно, чтобы скрыть пятна до конца рабочего дня.

Я медленно подняла на них глаза, подозрительно прищурившись.

— Иллюзия? Вы хотите... наколдовать для меня чистое платье?

— Не для вас. Просто изменить восприятие окружающих, — уточнил Алерт. — Простейшая проекция. Стоит минимальных усилий.

Это было странно. Слишком странно. Вчера они едва терпели моё присутствие. Сегодня утром смотрели на мою ка-

тастрофу с холодным любопытством. А теперь вдруг предлагали магическую помощь, чтобы я пошла с ними обедать?

— Чего ради? — спросила я прямо, откидываясь на спинку скрипучего стула. — Вчера вы с трудом выносили мою компанию за столом. Сегодня я являюсь олицетворением хаоса и плохого дня. Почему бы просто не оставить меня тут?

Они снова переглянулись. На этот раз в их взгляде было что-то... странное. Как будто они оба знали ответ, но не собирались его озвучивать.

— Ваше присутствие за столом вчера было менее разрушительным, чем прогнозировалось, — произнёс Бриан, подбирая слова. — А сегодня ваше отсутствие может привлечь больше вопросов, чем ваше появление.

— Вопросов от кого? — не отступала я.

— От вашего отца, например, — мягко вставил Алерт. Его бархатный голос звучал почти... заботливо? Нет, не может быть. — Если он узнает, что вы пропускаете обед из-за утреннего инцидента, он может счесть это детской обидой, а не профессиональным поведением.

Они были логичны. Чёртовски логичны. И это раздражало ещё больше, потому что в их логике чувствовался подвох. Но голод начал давать о себе знать, а перспектива остаться одной в этом кабинете стала казаться ещё ужаснее, чем насмешливые взгляды в столовой.

— Ладно, — сдалась я, тяжело вздохнув. — Колдуйте. Но если эта ваша иллюзия в середине обеда развеется и все уви-

дят правду, я вас прибью этими самыми прошениями о помиловании.

Уголок губ Алерта дрогнул. Бриан сделал почти незаметное движение рукой. Я почувствовала лёгкое, едва уловимое щекотание на коже, похожее на дуновение тёплого ветерка. В воздухе поплыли мельчайшие блёстки магии, и они осели на моём платье.

Я посмотрела вниз. Для моих глаз платье осталось таким же испачканным. Но когда я мельком глянула на отражение в крошечном зеркальце на стене, то увидела себя в идеально чистом, голубовато-сиреневом платье. Иллюзия была безупречна.

— Идём, — сказал Алерт, словно ничего не произошло, и открыл дверь.

Дорога до столовой была для меня нервным кошмаром. Я шла, чувствуя себя самозванкой, одетой в платье из воздуха и лжи. Но никто не указал на меня пальцем. Никто не захихикал.

Служащие, кланявшиеся драконам, бросали на меня обычные, ничего не значащие взгляды. Иллюзия работала.

За столом я сидела, скованная, почти не притрагиваясь к еде.

— Они видят это платье таким же как и я? — тихо спросила я, глядя на свою тарелку.

Я знала, что иллюзии — это очень сложная сфера и в ней было очень много разделов. Например, маг создать ее ста-

тичной, чтобы все видели одно и то же, или нет, чтобы каждый видел то, что хотел видеть. Или...

— Они видят то, что ожидают увидеть, — объяснил Бриан, разламывая хлеб. — Ожидание чистого, аккуратного платья на герцогской дочери сильно. Иллюзия лишь мягко подталкивает восприятие в нужную сторону. Это не насилие над разумом. Это... тактичное указание.

Должно быть для дракона разума действительно было важно именно, то, что это «не насилие».

— Тактичное указание, — повторила я. — А вы, драконы, часто прибегаете к таким... тактичным указаниям?

Алерт отпил воды.

— Когда это служит цели.

— А какая цель сейчас? — пристально посмотрела я на него. — Чтобы я поела? Сомневаюсь, что ваши драконьи сердца так трепещут за мой голодный желудок.

Они опять обменялись взглядами. Этот немой диалог начинал меня бесить.

— Поддержание работоспособности персонала входит в интересы отдела, — отчеканил Бриан, но это прозвучало как заученная отговорка.

— Персонала, — усмехнулась я. — В свой первый день я была «наказанием». Сегодня — «персоналом». Скоро, глядишь, станете меня «уважаемым коллегой» величать. Что случилось? Мама напугала вас до такой степени, что вы решили меня задобрить? — с вызовом глянула на Бриана.

Это попало в цель. Я увидела, как мышцы на скулах Бриана напряглись.

— Ваша мать — дама решительная, — дипломатично заметил дракон. — Но наши мотивы проще. Сегодняшний инцидент был досадной случайностью. Нет смысла усугублять его последствия.

Он что-то не договаривал. Точнее они оба что-то не договаривали. Я это чувствовала кожей.

Остаток дня прошёл в странном режиме. Они не игнорировали меня, но и не лезли с разговорами. Однако, когда у меня сломалось перо, Бриан молча протянул мне запасное. Когда я потянулась за тяжёлым томом архивных записей, Алерт снял его с полки раньше меня.

Мелкие, почти незаметные жесты. Как будто я стала хрустальной вазой, которую внезапно решили не ронять.

К концу дня моё недоумение достигло пика. А когда пробило время уходить, произошло невероятное.

Алерт отложил перо, встал и, поправляя манжеты, произнёс:

— Я вас провожу, Лира.

Я замерла с пером в руке. Бриан посмотрел на него, и в его фиолетовых глазах не было удивления. Было... понимание.

— Что? — выдавила я.

— Вы меня слышали. Улицы к вечеру небезопасны. После утреннего... столкновения... логично не искушать судьбу.

— Логично, — эхом отозвался Бриан, собирая свои бума-

ги. — Увидимся завтра.

Это было уже сверхъестественно. Вчера Бриан бежал от меня, как от чумы, после пяти минут в моём обществе. Сегодня Алерт сам предлагает проводить? Добровольно?

Подозрения сгустились в плотный, тяжёлый комок в груди.

— Алерт, — сказала я, медленно вставая и снимая с вешалки свой всё ещё грязный, но теперь по крайней мере сухой плащ. — Что происходит?

Он посмотрел на меня своими золотыми, невозмутимыми глазами.

— Я предлагаю проводить вас домой. Всё.

— Всё? Внезапная забота о моём питании, маскировка моих промахов и теперь — эскорт? Вы или готовите меня в качестве жертвенного агнца для какого-нибудь драконьего ритуала, или... от меня что-то нужно. Что?

Он молча взял мой плащ из моих рук и открыл дверь.

— Пойдёмте. Иллюзия на платье продержится до выхода из дворца. Не стоит задерживаться.

Я вышла за ним, чувствуя, как тревога и любопытство спорят во мне. Что-то тут было нечисто. И я намерена была выяснить что.

Мы шли по коридорам, и я украдкой наблюдала за мужчиной. Его походка была уверенной, взгляд устремлён вперёд. Ни тени вчерашней паники Бриана.

— Вы не ответили на мой вопрос, — напомнила я, выйдя

на холодный вечерний воздух. Иллюзия рассеялась, и я снова почувствовала себя неудобно.

— Потому что вопроса не было, — спокойно ответил он.
— Были лишь ваши подозрения. И я не обязан их развеивать.

— Но вы обязаны быть со мной честным, если мы коллеги! — настаивала я.

Он остановился и повернулся ко мне. В свете фонаря его рыжие волосы отливали медью, а в золотых глазах было что-то неуловимое.

— Коллеги, Лира, не обязаны быть честными во всём. Они обязаны выполнять свою работу и не мешать другим выполнять свою. Всё остальное — личное дело каждого. Я провожу вас, потому что считаю это разумным. Можете принять это или продолжать искать скрытые мотивы. Выбор за вами.

С этим он повернулся и снова зашагал. Я поспешила за ним, кипя от негодования и... восхищения. Свести всё к холодной логике и оставить меня в дураках с моими «подозрениями».

Но я не была бы собой, если бы сдалась.

— Хорошо, — сказала я, догнав его. — Допустим, это просто разумная предосторожность. Тогда скажите, как коллега коллеге: почему вы с Брианом работаете в этой конторе? Драконы вашего уровня... вы должны вершить судьбы в Совете или расследовать заговоры. А вы сидите в пыльной

комнате и помогаете моему отцу с налогами и жалобами.

Он замедлил шаг. В его лице что-то дрогнуло.

— Вы задаёте слишком много вопросов, для которых у вас нет допуска.

— А если бы был?

— Тогда вы бы и так знали ответ.

Я засмеялась, и звук получился резким в морозном воздухе.

— Прекрасный круговорот! Значит, есть тайна. Большая. И мой отец в ней замешан. И вы с Брианом — не просто клерки, а... кто? Надзиратели? Следственная группа? И я теперь... что, случайный свидетель, которого нужно либо нейтрализовать, либо завербовать?

Он резко обернулся, и в его глазах вспыхнуло настоящее, живое раздражение.

— Вы читаете слишком много женских романов, герцогиня. Иногда работа — это просто работа. Даже для дракона.

— Не верю, — парировала я, не отводя взгляда. — Вы не из тех, кто занимается «просто работой». И Бриан — тоже. Вы что-то ищете. И я, кажется, оказалась у вас под носом. И теперь вы не знаете, что со мной делать. Игнорировать не получается. Выгнать — не можете. Вот и пытаетесь... приручить? Контролировать?

Мы стояли друг напротив друга в заснеженной, безлюдной улице. От его дыхания шёл пар. От моего — тоже.

— Вы опасны, — наконец произнёс он тихо, и в его го-

лосе не было страха. Было уважение. Холодное, настороженное, но уважение. — Не своей магией или положением. Своей... наблюдательностью. И полным отсутствием страха сказать то, что думаешь.

— Это комплимент? — ехидно спросила я.

— Это констатация факта. И предупреждение. Не копайте слишком глубоко, Лира. Не в свои тайны. Это может быть... неразумно.

С этими словами он снова повернулся и пошёл. На этот раз я не задавала вопросов.

Я получила ответ. Неполный, уклончивый, но ответ. Они что-то скрывают. Большое. И моё присутствие их беспокоит. Не как досадная помеха, а как непредсказуемый переменный фактор.

Мы дошли до особняка молча. Он остановился у ворот.

— До завтра, — сказал он.

— До завтра, Алерт, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — И спасибо. За иллюзию. И за... честность.

Он лишь кивнул и растворился в сумерках.

Я вошла в дом, сбросила грязный плащ служанке и поднялась к себе. В голове крутились обрывки разговоров, их многозначительные взгляды, их внезапная забота.

Они боялись не меня. Они боялись, что я что-то замечу. Что я уже что-то заметила.

Что ж, игра становилась по-настоящему интересной. Если они думали, что могут вскружить голову, отвлечь, «мягко

указать» мне, куда смотреть, а куда — нет, они сильно недооценили капризную розу с амбициями.

Завтра я начну наблюдать ещё пристальнее. Только не за драконами.

За бумагами, которые проходили через их руки.

Глава одиннадцатая. В которой роза начинает собственное расследование

Ночью мне снились драконы. Они летали надо мной в золотисто-фиолетовом небе и сыпали с высоты не огнём, а бумажными жалобами и налоговыми отчётами. Я просыпалась в холодном поту, сжимая в кулаке воображаемое перо, и снова проваливалась в беспокойную дремоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.